

ОПОНЕЖЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

№ 34

Суббота, 6 (19) сентября 1903 г.

№ 34

Русскіе художники въ Парижѣ.

Наумъ Ильичъ Аронсонъ.

Дѣтство Аронсона. — Парижскіе успѣхи. — На краю смерти отъ голода. — Знакомство съ Толстымъ. — Лѣпка статуи Л. Н. Толстого. — Деветъ. — Бюстъ Фета. — Взглядъ на искусство.

Вы помните академическую выставку позапрошлаго года? Не правда-ли, какой былъ интересный скульптурный отдѣлъ? Оживился онъ, благодаря притоку свѣжихъ силъ. Главною силою явился въ данномъ случаѣ молодой русскій скульпторъ Наумъ Ильичъ Аронсонъ, работающій постоянно въ Парижѣ. Онъ прислалъ нѣсколько бюстовъ и композицій.

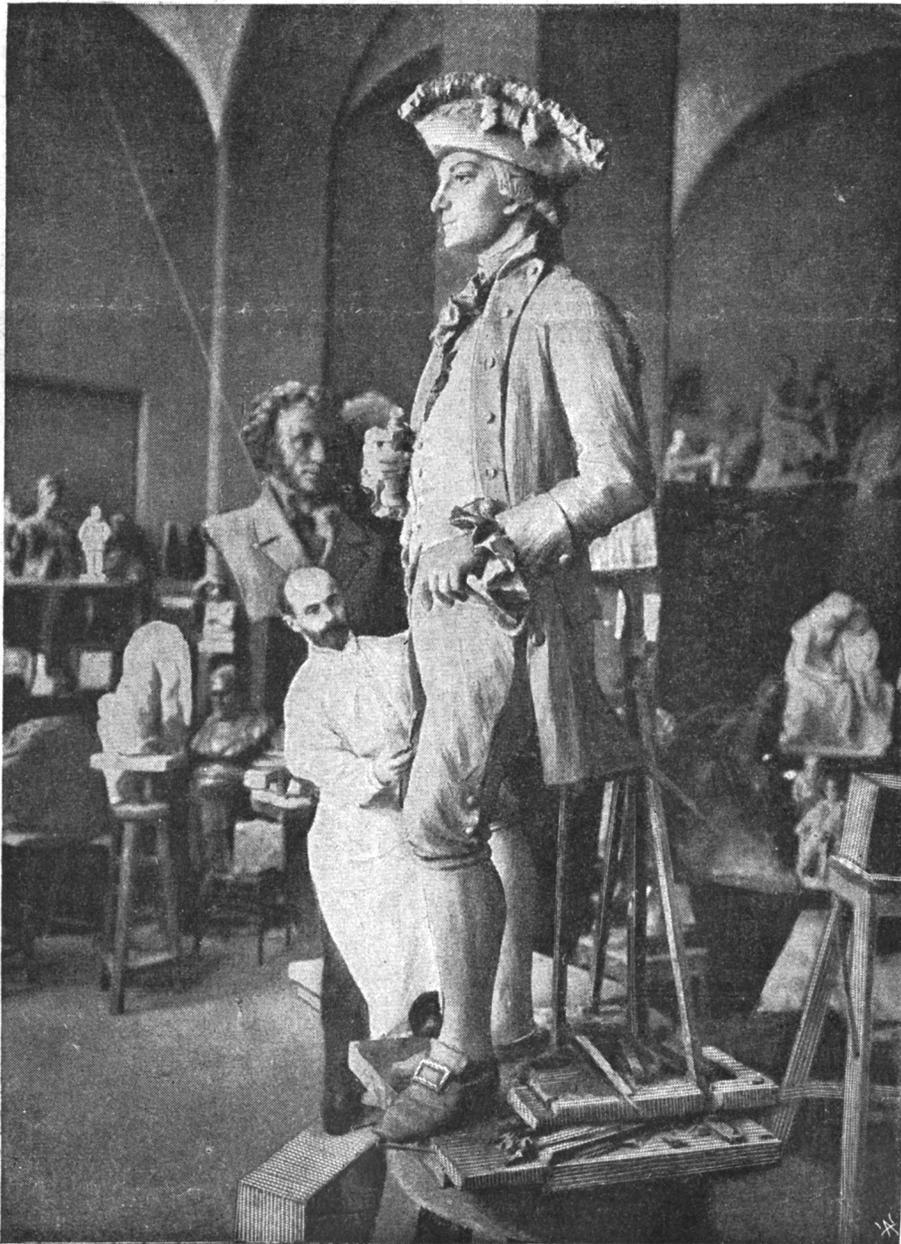
До этой выставки Аронсона совершенно не знали у насъ. И теперь, впрочемъ, знаютъ мало. А въ Парижѣ онъ очень извѣстенъ. Живя тамъ весною и просматривая французскія газеты, я часто встрѣчалъ хвалебные отзывы о выставленныхъ въ Салонѣ вещахъ Аронсона.

Аронсонъ завоевалъ Парижъ. Но дорогой цѣной досталось ему это завоеваніе. Наумъ Ильичъ говоритъ:

— Теперь я ничего не боюсь. Послѣ того, какъ я умиралъ въ Парижѣ съ голоду, меня ничто не испугаетъ. Ничего нѣтъ ужаснѣе умирать отъ голоду въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, на глазахъ равнодушной трехмиллионной толпы. А между тѣмъ я уже работалъ настолько хорошо, что меня принимали въ Салонъ безъ всякой протекціи. То-ли еще бываетъ въ Парижѣ? Художники получаютъ золотыя медали и гибнутъ отъ нищеты. Быть талантливымъ мастеромъ, — и продавать свои вещи — разница громадная. Не легко продавать въ городѣ, гдѣ среди тридцати тысячъ художниковъ, можно насчитать нѣсколько-

ко десятковъ лучшихъ мастеровъ Европы. Вы только подумайте, какая громадная конкуренція!

Аронсону лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Гибкая, худощавая фигура. Густые, свѣтло-каштановые волосы и густая курчавая борода. Глаза—свѣтлые, ясные. Легкая, энергичная походка. Одѣвается онъ съ изысканной артистической скромностью. Всегда красивый, по рисунку и пятну, галстухъ. Мягкая пріятная рѣчь, весьма гармонирующая съ манерами. Впечатлѣніе—тонкой, художественной природы.

Скульпторъ И. Тинсбургъ въ своей студіи за работой памятника Шелехову. Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Наумъ Ильичъ—уроженецъ убогой, застѣнчивой Вѣлоруссіи. Въ Витебской губерніи затерялось мѣстечко Креславка. Тамъ, въ бѣдной еврейской семьѣ, протекло дѣтство будущаго скульптора. Отецъ Аронсона велъ скромную, немудреную торговлю разными деревенскими продуктами. Маленькій Наумъ подрасталъ. Нужно-ли говорить, что повторилась одна изъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ исторій?

Безсознательное тяготѣніе къ творчеству проснулось въ ребенкѣ. Онъ началъ рисовать, началъ лѣпить изъ простой глины фигурки, рѣзать ихъ изъ дерева. Старосвѣтскій, выросшій въ патриархальныхъ традиціяхъ отецъ сначала недоумѣваетъ, затѣмъ сердится, требуетъ, чтобы сынъ прекратилъ свое баловство развѣ навсегда.

Сынъ протестуетъ. Близкое дѣло дорого ему безконечно! Онъ постигаетъ, еще пока смутно, что въ искусствѣ, только въ немъ одномъ,—весь смыслъ его дальнѣйшаго существованія...

Старая и вѣчно-юная исторія, такая же, какъ любовь. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ искусство и любовь—не ровесники другъ другу? Развѣ мыслимо предположить хоть на мгновеніе искусство безъ любви и любовь безъ искусства? И умрутъ они, если имъ суждено умереть когда-нибудь, — вмѣстѣ, дружно, какъ умираютъ, сплетаясь въ объятія, вѣрные любовники...

Время бѣжало. Изъ мальчика Наумъ Аронсонъ успѣлъ превратиться въ юношу. Успѣлъ не безъ труда и борьбы попасть въ виленскую рисовальную школу. Тамъ онъ рисовалъ, лѣпилъ изъ глины, на этотъ разъ уже настоящей скульптурной, а не изъ рассыпчатой, простой, что желтѣетъ въ придорожныхъ оврагахъ унылыхъ витебскихъ трактовъ... Всѣ, начиная съ академика Трутнева, который завѣдуетъ школой, дивились блестящимъ способностямъ Аронсона. Юноша трудился,

преусиивать въ технику, бодро заглядывая въ будущее и проживая около трехъ рублей въ мѣсяцъ. Бюджетъ болѣе чѣмъ скромный, заставившій Наума Ильича балансировать на краю пропасти, откуда его подстергала ф-т-томъ медленной, мучительной смерти отъ истощенія и голода...

Но Аронсонъ съ улыбкой замѣчаетъ:

— Все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось мнѣ выстрадать въ первое время въ Парижѣ.

Прозрабая съ хлѣба на квасъ, Аронсонъ мечталъ о свѣтломъ, широкомъ будущемъ. Мечталъ еще много учиться, совершенствоваться, творить... Онъ задыхался въ тѣсныхъ кривыхъ улицахъ стариннаго сѣверо-западнаго города. Чѣмъ ближе подходило время окончанія школы, тѣмъ сильнѣе тянуло его прочь изъ Вильны. Ему грезился Парижъ, роскошный, эстетическій, атмосфера котораго напоена искусствомъ и о которомъ художники рассказывали такія заманчивыя чудеса! Его тянуло въ длинныя галлерей Лувра съ единственнымъ въ мірѣ собраніемъ антиковъ, съ изуродованной, но все же прекрасной, какъ вѣчно божество, Венерой Милосской. Тянуло увидѣть поскорѣй вещи Родена, Шарпантье,—этихъ гигантовъ скульптуры... Слухи о нихъ доходили иногда въ Вильну,—неясно, туманно, словно изъ какого-то далекаго чуждаго міра...

* * *

Мечты сбываются, если долго и упорно мечтать, желать чего-нибудь. Аронсонъ въ Парижѣ. Въ карманѣ всего нѣсколько франковъ, но душа его трепещетъ отъ необъятнаго счастья.

— Неужели это не сонъ? Неужели правда? —спрашивалъ онъ себя. Но суровая безпощадная дѣйствительность постигла доказать всю реальность осуществившагося факта. Франки быстро таяли, превращаясь въ сап-тими. Къ кому онъ могъ обратиться за помощью, одинокій, безъ связей, безъ языка? Началась борьба за жизнь, за будущее художника. Кое-какъ перебиваясь рѣдкими грошевыми заказами, Аронсонъ поступаетъ въ частную мастерскую профессора. Въ три мѣсяца проходить онъ весь курсъ, и профессоръ объявляетъ ему, что онъ вполне зрѣлый, законченный мастеръ и можетъ учить другихъ, не пуждаясь болѣе въ руководителѣ.

Аронсонъ начинаетъ выставлять въ Салонѣ. Работы его замѣчены, кое-гдѣ похвалили, но матеріальной, осязательной пользы пока нѣтъ. Скульптуръ его никто не покупаетъ.

— Это самый тяжкій періодъ моей жизни. Тѣ дни, когда въ Вильнѣ я могъ пробѣдать пятачекъ, казались мнѣ роскошью. Но меня утѣшало, что я голодалъ не одинъ. Голодали многие художники. На людяхъ и смерть красна, какъ говорится. Голодалъ страшно Витгофъ. Чего только не вынесъ этотъ желѣзный человекъ? Но цѣлымъ недѣлямъ онъ питался исключительно тѣмъ хлѣбнымъ испорченнымъ мякишемъ, которымъ ученики мастерской Бугеро вытирали рисунки. Перваго января 1896 года, утромъ, я упалъ на лѣстницѣ безъ чувствъ, истощенный, потерявшій послѣднія силы. Меня подняли, кое-какъ привели въ себя. И—вотъ истинный фатальный случай!—въ этотъ же день я получилъ первый настоящий заказъ въ 2000 франковъ.

* * *

Теперь это мрачное прошлое кануло для Аронсона въ вѣчность. Навсегда. Теперь оно мерещится ему какимъ-то далекимъ кошмарнымъ сномъ. Онъ создалъ себѣ имя, завоевалъ Парижъ. У него постоянные заказы, постоянные покупатели, которые любятъ его дарованіе.

Живетъ Наумъ Ильичъ на Avenue d'Orléans. Въ мастерскую его ведетъ асфальтовый дворикъ, чистенькій, опрятно содержимый. Въ окна холостой квартиры молодого художника, расположенной во второмъ этажѣ надъ ателье, смотрятъ зеленыя вѣтви деревьевъ. Мастерская скульптора никогда не можетъ быть такъ уютна, изящна, какъ мастерская живописца. Тамъ только кисти, холсты и краски, а здѣсь и глина, и вода, и мокрая тряпка. Но все же печатъ какой-то артистичности лежитъ на всемъ у Аронсона.

Пианино,—Наумъ Ильичъ и музыкантъ,—театради нотъ, желтые томки Мопассана, на стѣнахъ нѣсколько картинъ, среди которыхъ есть и Коро, и Жерико. Посреди комнаты—станки съ законченными и неоконченными вещами. Портреты въ гипсѣ и мраморѣ. На одной изъ стѣнъ висятъ гипсовые маски.

— Узнаете? — спрашиваетъ хозяинъ, указывая на характерный тонкій профиль.

— Какъ не узнать: театральныи критикъ Юрій Бѣляевъ?

— Онъ самый.

Потомъ я началъ внимательно изучать превосходный бюстъ Льва Николаевича Толстого. Я много видѣлъ скульптурныхъ портретовъ великаго писателя, но ни одинъ изъ нихъ не отражалъ такой глубокой и сосредоточенной мысли, которая присуща только гению. Разумѣется, первымъ моимъ вопросомъ было, при какихъ условіяхъ Наумъ Ильичъ лѣпилъ бюстъ Толстого?

* * *

„Еще въ дѣтствѣ я зачитывался великими произведеніями этого великаго человека. Долго, нѣсколько лѣтъ преслѣдовала меня мысль вылепить бюстъ Льва Николаевича. И вотъ, въ позапрошломъ году, гостя въ Россіи, я рискнулъ похвѣть въ Ясную Поляну. Рискнулъ потому, что ни къ графу, ни къ его семьѣ я не имѣлъ никакихъ рекомендацій. Но Левъ Николаевичъ и Софія Андреевна встрѣтили меня чрезвычайно радушно. Мое желаніе вылепить бюстъ вся семья встрѣтила сочувственно. Неизвѣстно было, какъ отнесется къ этому самъ Левъ Николаевичъ. Выслушавъ меня, онъ сказалъ:

— „Принципиально, ничего не имѣю противъ. Лѣпить, но позировать отказываюсь. И не люблю, и не умѣю, и тяжело мнѣ. Все, что я могу сдѣлать, это дать вамъ возможность лѣпить въ кабинетѣ, когда я работаю. Кстати, у васъ есть фотографіи съ вашихъ прежнихъ скульптуръ?“

Я показалъ Льву Николаевичу нѣсколько снимковъ. Нѣкоторые онъ видѣлъ раньше. Снимки понравились ему.

— „Итакъ, приступимъ хоть сегодня. Вы работайте свое, я свое. Мѣшать другъ другу не будемъ“.

Скрѣпя сердце, пришлось согласиться. Я чувствовалъ, что при такихъ условіяхъ бюсте не выйдетъ удачнымъ. Для полнаго сходства необходимо позировать, какъ слѣдуетъ, чтобы можно было тщательно изучать голову, лицо, всѣ черты на близкомъ разстояніи и оговосуду. Пока что—я принялся лѣпить бюстъ Софіи Андреевны. Окончивъ его въ три сеанса, Левъ Николаевичъ довольно часто навѣдывался въ мою временную мастерскую и подолгу слѣдилъ за работой. Иногда у него выривались восклицанія:

— „Хорошо! Прекрасно! Великолѣпно!“

Я обрадовался двойнѣ. Во-первыхъ, было приятно услышать похвалу изъ устъ такого человека, а, во-вторыхъ, зародилась надежда, что Левъ Николаевичъ согласится позировать.

Однако, когда его стали дружно упраши-

вать и графиня, и дѣти, и я, онъ все же отказался.

— „Не буду позировать. Мои условія извѣстны!“

Волей-неволей оставалось покориться. Начать работать... Левъ Николаевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и оканчивалъ повѣсть изъ кавказской жизни. Я быстро сдѣлалъ эту дѣль. Левъ Николаевичъ оторвался отъ стола, взглянулъ и говоритъ:

— „Хорошо. Положительно хорошо. Меня никто такъ не дѣлалъ. Чувствуется движеніе. Движеніе и мысль“...

Такая похвала! Шутка-ли сказать! Въдѣ Толстого лѣпили и Гинсбургъ, и Трубецкой. Писали его Рѣпинъ, Н. Н. Ге, Крамской.— Все первоклассные художники!. На слѣдующій день у насъ былъ второй сеансъ, если только это можно назвать сеансомъ. Но въ этотъ день ничего не вышло. Я не могъ видѣть всю фигуру Толстого, что мнѣ было необходимо. Потомъ мы долго гуляли со Львомъ Николаевичемъ. Я не спускалъ съ него глазъ, изучалъ подробно его черты, движенія, характерныя жесты. Видя, что Левъ Николаевичъ упорно не желаетъ дать мнѣ пастоящаго сеанса, я перенесъ бюсте въ мастерскую, чтобы закончить его на память. Но для этого необходимо было побольше познакомиться съ Толстымъ, и мы гуляли съ нимъ каждый день, подолгу гуляли. Я не замѣчалъ времени, такъ летѣло оно незамѣтно въ бесѣдѣ съ этимъ умнѣйшимъ, обаятельнѣйшимъ человекомъ. Въ нашихъ прогулкахъ Толстой обнаруживалъ поразительную бодрость и силу. Иногда я прямо изнемогалъ отъ усталости, а онъ—какъ ни въ чемъ не бывало и, глядя на меня, говоритъ съ улыбкой:

— „Эхъ вы, молодежь нынѣшняя! Быстро устаеа. А я могу еще столько же гулять. Хотите?“

Благодаря этимъ прогулкамъ, образъ Льва Николаевича, и физическій, и духовный, сталъ все рельефнѣй и рельефнѣй вырисовываться передо мной. Я вылепилъ бюсте такимъ, какимъ онъ мерещился моему воображенію. Хотѣлъ уже отлить его въ гипсѣ, но графиня просила повременить.

— Погодите, быть можетъ, онъ еще согласится позировать.

Относился ко мнѣ всѣ прекрасно, и я чувствовалъ себя въ семьѣ Льва Николаевича какъ дома.

Старшая дочь, Татьяна Львовна, сказала мнѣ:

— Vous avez gagné le coeur de mes parents...

Прошло нѣсколько дней. Вечеромъ какъ-то заглянулъ въ мастерскую Левъ Николаевичъ. Бюсты его и Софіи Андреевны стояли рядомъ. Онъ долго разсматривалъ ихъ внимательно, пытливио, наконецъ, произнесъ фразу, обрадовавшую меня чрезвычайно:

— „Ладно. Согласенъ позировать вамъ. Но недолго. Четверть часа“.

Я принялся за работу съ лихорадочной энергіей. Благодаря этому первому сеансу, я многое исправилъ и передѣлалъ. Левъ Николаевичъ ушелъ изъ мастерской, а я все продолжалъ лѣпить съ такой увлеченностью, словно мой великій натурщикъ еще позировалъ. Увидѣвъ потомъ исправленія, Левъ Николаевичъ замѣтилъ:

— „Какой, однако, поворотъ къ лучшему!“

Я хотѣлъ пообразить Толстого мыслителя, автора „Воскресенія“. Мыслителя-проповѣдника. Приходилось одолаживать большія техническія трудности, но достигнуть своей цѣли я желалъ во что бы то ни стало. Нелегкая задача—одухотворить этотъ выпуклый шишковатый, хорошо знакомый всему міру лобъ,

важечъ мыслью, толстовской мыслью, маленькіе, глубоко ушедшіе глаза...

Левъ Николаевичъ самъ заинтересовался моею работой и охотно позировалъ нѣсколько разъ. Правда, сеансы наши бывали короткіе,—десять, много пятнадцать минутъ. Могучій обликъ Толстого такъ захватилъ меня, что я рѣшилъ сдѣлать еще много его бюстовъ, фигуръ, хотя бы ради этого надо было нарочно прїѣзжать изъ Парижа въ Ясную Поляну.

* * *

Я продолжалъ осматривать мастерскую...

Бюсть мужчины съ грубымъ лицомъ, надъ моделировкой котораго природа не задумывалась долго. Но глубокой, скрытой силой дышать эти, словно высѣченные изъ горной породы черты. Подобные люди не знаютъ препятствій. Желѣзная воля ихъ ломаетъ всё преграды, хотя бы даже стихійныя. Я началъ припоминать, гдѣ могъ видѣть этого мрачнаго, сильнаго человѣка...

— Генералъ Деветъ,—подсказалъ Наумъ Ильичъ.—Судя по вашимъ словамъ, я достигъ въ его изображеніи, чего хотѣлъ. Я лѣпилъ его въ Брюсселѣ. Меня заинтересовалъ его героизмъ, скромный мужицкій героизмъ, не покрытый мишурными лаврами. Онъ—герой по природѣ. И онъ не сознаетъ этого, не рисуется. Онъ совершалъ свои легендарные подвиги, не драпируясь въ мантию, а наоборотъ—очень просто, апостольски просто..

* * *

Мы перешли къ бюсту Фета.

— Мнѣ всегда нравились его стихи. Въ нихъ столько красоты, столько изящнаго лиризма! Разъ какой-нибудь артистъ захватываетъ мою душу своимъ творчествомъ, у меня является непреодолимое желаніе сдѣлать его портретъ, сдѣлать такимъ, какъ я его себѣ представляю. Работалъ я Фета по карточкамъ, но близко знавшіе его люди говорятъ, что сходство замѣчательное.

За русскимъ чаемъ, который Аронсонъ приготовилъ самъ наверху, мы начали вспоминать Петербургъ, общихъ знакомыхъ.

* * *

Потомъ перешли къ теоретическимъ вопросамъ искусства. Заговорили о техникѣ, о связи ея съ процессомъ творчества. Меня давно занимала мысль относительно гармоніи между техникой и чувствомъ. Можно ли, творя, преслѣдуя какую-нибудь идею, не упускать въ то же время правильности формъ?

— Сплошь да рядомъ и въ скульптурѣ, и въ живописи бываетъ такъ: вы смотрите эскизъ—прелесть что такое! Вездна движенія, мысли! И холстъ, и глина оживаютъ. Но когда мастеръ разработаетъ эскизъ въ большую вещь, всё достоинства исчезаютъ. Чѣмъ-то сухимъ, мертвеннымъ, неподвижнымъ вѣетъ отъ законченной композиціи. Напримѣръ, Трубецкой. Въ эскизахъ онъ очень талантливъ—большія вещи ему не даются.

Аронсонъ отвѣтилъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, это происходитъ оттого, что эскизу вы прощаете его „эскизность“, незаконченность, погрѣшность рисунка. Большой вещи—простить нельзя. Тамъ предъявляются серьезныя требованія.

— Однако же Роденъ одинаково прекрасенъ и въ своихъ наброскахъ, и въ большихъ законченныхъ скульптурахъ?

Свѣтлые глаза Аронсона загорѣлись.

— Роденъ! Это—богъ, это—геній! Онъ настолько изумительно владѣетъ формой, что, создавая, не чувствуетъ ея, вѣрнѣе чувствуетъ безсознательно. Это идеалъ для художника—безсознательно чувствовать форму. Въ такомъ

только случаѣ она никогда не явится помѣхой. Вдохновенный, охваченный порывомъ, Роденъ нисколько не думаетъ о правильности—не до того ему,—а выходитъ правильно. Это высшая гармонія! На всемъ протяженіи мірового искусства такихъ колоссовъ, какъ Роденъ, не наберется и двухъ десятковъ...

Меня влекло къ Аронсону. Влекло къ этой нѣжной, поэтической натурѣ. И замыслы нѣкоторыхъ его композицій проникнуты интересной поэзіей. Онъ показалъ мнѣ эскизы фонтановъ. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Прислонившись спиной къ отвѣсной скалѣ, стоитъ нагая, прекрасная женщина. Это—истина, источникъ всего хорошаго, чистаго. Внизу отъ стройныхъ ногъ ея отходитъ русло, по которому бѣжитъ вода фонтана. На берегу этого ручья—три мужскихъ фигуры. Два пожилыхъ человѣка смотрятъ на женщину земными глазами. Для нихъ навсегда прошло то время, когда они молились на женщину. Но вотъ юноша,—цѣломудренный нетронутый идеалистъ. Земное не успѣло коснуться его. Жадно, въ какомъ-то молитвенномъ экстазѣ, припалъ онъ къ источнику и пьетъ, пьетъ се-

знаніе, опытность и металлы. Большая золотая медаль сдѣлала его пенсионеромъ академіи. Онъ четыре года получалъ по четыреста пятьдесятъ червонцевъ пенсионерскаго содержанія и изучалъ за границей западныхъ мастеровъ. Изъ Парижа онъ вывезъ изящество рисунка и красоту мазка, а изъ Италіи—теплоту красокъ и нюансы колорита.

Его „Труженики“ произвели сенсационное впечатлѣніе и возбудили въ печати массу толковъ. Не было въ столицѣ такой газеты, которая не обсуждала бы сюжетъ картины и не пророчила художнику громкую будущность. Академія ликовала. И когда онъ, годъ спустя, далъ картину на историческую тему, ему тотчасъ же было присуждено званіе академика.

Прошло нѣсколько лѣтъ, должно быть, лѣтъ десять. Академикъ превратился въ профессора. Академія дала ему казенную квартиру, солидный окладъ и профессорскую кафедру.

Маэстро загремѣлъ.

Всѣ выставки, гдѣ онъ принималъ участіе, гордились его именемъ. Слава его росла не по днямъ, а по часамъ и, наконецъ, достигла зенита и стала видима отовсюду. Со всѣхъ

Ахъ, знаете, у васъ кисть большого мастера.

Оригинальный рисунокъ для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ художника И. К. Пархоменко.

ребристую прозрачную воду Истины. Онъ полонъ самыхъ горячихъ желаній постигнуть, впитать въ себя, постигнуть эту чистую, мудрую Истину, чтобы быть такимъ же, какъ она...

Н. Брешко-Брешковскій.

Русскіе типы.

Маэстро.

Въ дѣтствѣ онъ у сѣдовласаго иконописца растиралъ краски и учился рисовать иконы. Потомъ былъ у фотографа въ качествѣ неважнаго ретушера и, наконецъ, сдѣлался ученикомъ академіи.

Двѣнадцать лѣтъ онъ въ ней штудировалъ и изучалъ гипсовые антики и живую голую натуру. Долгіе годы упорнаго труда дали ему все, что онъ могъ получить въ академіи—

сторонъ стали стекаться къ знаменитому маэстро ученики. Какъ муравейникъ, кишѣла ими его мастерская.

* * *

Поѣхалъ и я въ академію.

Случай свелъ меня съ знаменитымъ маэстро.

Я получилъ возможность видѣть его въ интимной домашней обстановкѣ. Его мастерская—не та, которую наполняли ученики, а та, гдѣ маэстро работалъ только одинъ, великолѣпна во всѣхъ отношеніяхъ. Богатое верхнее освѣщеніе, громадное боковое окно на сѣверъ, чудная стильная обстановка—мебель, ковры, мраморъ, золото и рѣдкія матеріи. Картины, мольберты... На столахъ разбросаны карандашныя и акварельныя бездѣлушки. И все это носило характеръ артистическаго вкуса и все это очень дорого стоило.

Я у маэстро былъ нѣсколько разъ. И каждый разъ заставалъ его за работой: профессоръ чю—нибудѣ дѣлалъ—набрасывалъ эскизъ, накладывалъ на палитру краски,

Открытие памятника Т. В. Шелехову въ г. Рыльскъ,
24-го августа.

Съ фотографіи И. Добрынина, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

сильными ударами широкой кисти размѣщаль ихъ по полотну. И на моихъ глазахъ создавались такіе красочные эффекты, которые потомъ удивляли весь художественный міръ.

Я приносилъ профессору свои работы. Опытный высокоталантливый художникъ былъ на высотѣ своихъ знаній. Онъ не могъ ошибаться. Каждое его слово—правда, кладъ для

ствіе, чуть не дѣтская радость,—ушивался знатокъ! Онъ бралъ въ руки каждый кусокъ полотна и разсматривалъ его съ тщательнымъ вниманіемъ.

— Ахъ, знаете, какъ это у васъ удачно! Какъ вы владѣете рисункомъ, сколько въ немъ правды!.. У васъ положительно кисть большого мастера. Я вамъ завидую..

того, къ кому оно относилось.

— Ахъ, знаете,—говорилъ онъ мнѣ,—какъ у васъ удачны краски, какой вы чародѣй! У васъ кисть большого мастера. И я вамъ завидую.

У меня голова шла кругомъ отъ такихъ похвалъ. Я захлебывался отъ удовольствія. Но я не смѣлъ не вѣрить. Мнѣ было бы тяжело ему не вѣрить.

Разъ я къ нему пришелъ раньше обыкновеннаго. Высокій и худощавый, какъ Донъ-Кихотъ, какой-то офицеръ, звеня шпорами, разворачивалъ предъ маэстро свои произведенія. Полицу художника пробѣгло удоволь-

Я изумился. То же самое, что и мнѣ: „кисть большого мастера“ и „я вамъ завидую“. Неужели же... Но нѣтъ, не можетъ быть... Офицеръ, вѣроятно, тоже талантливъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я подошелъ къ его работамъ. И вдругъ почувствовалъ, что у меня на лицу побѣжала горячая волна, что я покраснѣлъ...

* * *

Я отошелъ въ сторону и сѣлъ. Пусто вдругъ стало во мнѣ, безнадежно холодно, словно изъ меня что-то огромное вынули и неизвестно куда унесли.

— Вы успѣваете,—продолжалъ маэстро, ничуть не смущаясь моимъ присутствіемъ,— вы идете впередъ съ поразительной быстротой; еще нѣсколько такихъ шаговъ, и вы знаете—меня оставите позади себя...

Офицеръ самодовольно улыбался и звенѣлъ шпорами, а я чувствовалъ къ нему жалость.

— Ахъ, знаете,—нѣлъ профессорскій голосъ,— какъ я люблю, какъ я высоко ставлю

Прот. А. Л. Мальцевъ,
священникъ нашей посольской церкви въ Берлинѣ
(Къ 25-лѣтію священнослуженія).

такихъ людей, какъ вы. Нѣтъ, я вамъ пожительно завидую: у васъ кисть большого мастера...

Когда сіяющій и полный глубокой радости офицеръ ушелъ, маэстро облегченно вздохнулъ.

— Ахъ, знаете... Лѣзутъ ко мнѣ со своими несчастными каракулями такія бездарности... И ничего съ ними не подѣлаешь... Приходится терпѣть...

Я возмущился.

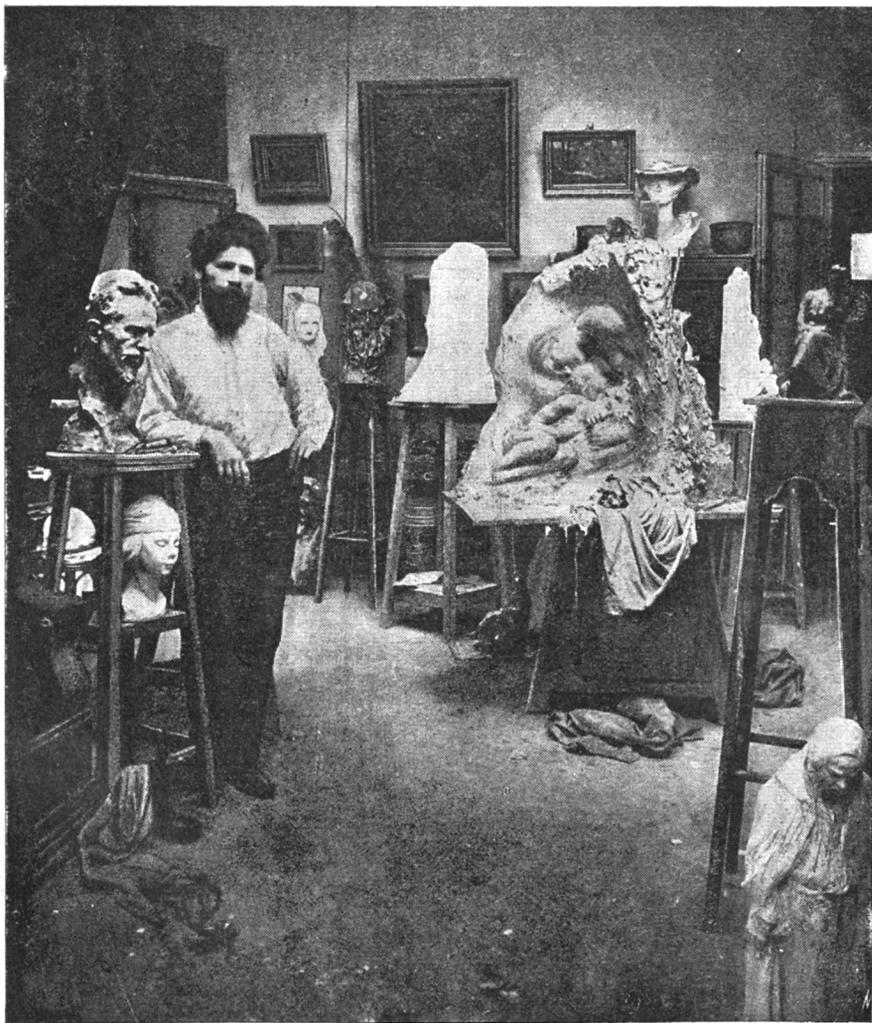
— Какъ же такъ? Вѣдь вы хвалите и своими похвалами вводите чловѣка въ заблужденіе и даете ему основаніе обращаться къ вамъ въ другой разъ уже съ увѣренностью въ своемъ дарованіи.

— Ахъ, знаете... Это такіе несчастные люди... Имъ сказать что-нибудь непріятное, они вамъ этого никогда не простятъ и не признаютъ въ васъ опытнаго художника. Да и вообще, знаете... зачѣмъ разочаровывать?

— И вы всѣмъ говорите одно и то же: „кисть большого мастера, я вамъ завидую“? Маэстро закатилъ глаза.

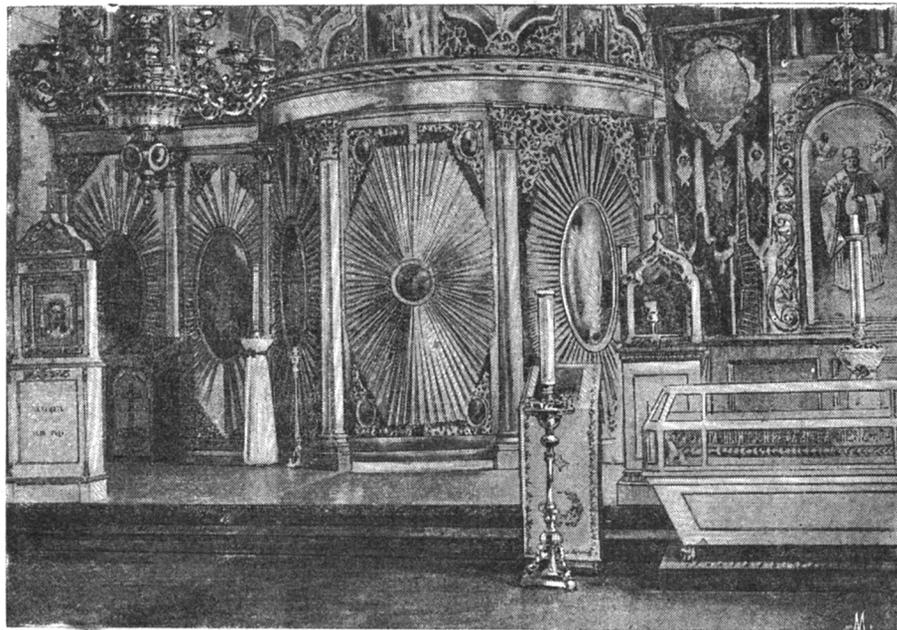
— Что-жь дѣлать?..

И. Кань.

Скульпторъ Л. В. Аронсонъ въ своей студіи.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Церковь Демидовскаго юридическаго лица.

Хроника парижской жизни.

Каникулярное затишье.—Нашествіе провинціаловъ и иностранцевъ.—Отсутствіе злѣбъ дня.—Сомнительная древности: столбъ царя Мезы посѣтъ тиары Сайтаферна.—Предводитель парижскихъ камло и его вліяніе въ политикѣ.—Вопросъ о сожиганіи труповъ.

Каникулярный періодъ считается въ Парижѣ отъ 15-го іюля до 15-го октября. Конечно, такъ долго никто не предается отдыху, но парижская жизнь въ полномъ ходу бываетъ только въ теченіе остальныхъ девяти мѣсяцевъ года. Театральный сезонъ возобновляется уже съ перваго сентября, а занятія въ школахъ начинаются въ концѣ этого мѣсяца, но : а то вакаціи для судовъ кончаются только въ серединѣ октября, а для парламента иногда еще позже. И если немало парижанъ уже возвращается со взморья или изъ деревни, то несравненно больше только теперь покидаетъ

столицу, чтобы искать каникулярнаго отдыха гдѣ-нибудь въ модномъ пунктѣ или въ захолустѣ, смотря по средствамъ или вкусамъ. Во всякомъ случаѣ, сентябрь мѣсяцъ, несмотря на постепенное открытіе всѣхъ театровъ, — время наибольшаго затишья парижской жизни.

Правда, въ Парижѣ и теперь довольно шумно и людно на большихъ бульварахъ и въ мѣстахъ, гдѣ полагается стекаться публикѣ, но это оживленіе совсѣмъ особаго рода, не парижское. Оно производится пріѣзжающими, провинциальными и иностранными туристами, которые почему-то облюбовали именно сентябрь для посѣщенія Парижа. Моментъ для туристовъ, конечно, совсѣмъ неподходящій: вмѣсто картины парижской жизни, они видятъ только рамку ея. Пріѣзжающіе могутъ подробно знакомиться съ обстановкой, среди которой живетъ и парадируетъ элегантная парижская публика, но самой этой публики

П. Т. Демидовъ,
основатель демидовскаго юридическаго лица.
Съ портрета академика О. Рокотова.

они не находятъ. Въ театрахъ, въ модныхъ ресторанахъ, въ Булонскомъ лѣсу встрѣчаются массы представительныхъ кавалеровъ и дамъ въ роскошныхъ туалетахъ, но это, въ подавляющемъ большинствѣ, джентльмены всѣхъ національностей въ обществѣ английскихъ и сѣверо-американскихъ лэди, испанскихъ и южно-американскихъ синьоръ, нѣмецкихъ gnädige Frauen, а также belles mesdames изъ Гавра, Вреста, Бордо, Марселя, Тулузы и Ліона, парижане же, и въ особенности парижанки, которыхъ человекъ со вкусомъ быстро угадываетъ по внѣшности, совершенно среди нихъ пропадаютъ. Заглушается часто и французская рѣчь иностранными діалектами, да и французская-то рѣчь иногда раздается съ рѣзкимъ провансальскимъ или гасконскимъ акцентомъ.

Демидовскій юридическій лицей.

Къ столбѣтію Демидовскаго юридическаго лица.

Съ фотографій П. Ольшанскаго, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Тайн. сов. проф. С. М. Шпилевскій,
директоръ Демидовскаго юридическаго лица.

Появляясь поэтому, что в газетах теперь часто встречается обычная лѣтняя жалоба: „Парижъ пусть и скученъ“,—выраженіе, которое, разумеется, надо понимать только въ смыслѣ относительномъ. Рѣдко удается теперь парижанину встрѣчать на большихъ бульварахъ знакомаго согражданина, а въ театрахъ играютъ для прїѣзжей публики старыя заигранныя пьесы и даже разносчики-камло выкрикиваютъ у террасъ кафе „последнія парижскія новости“, которыя датируются съ прошлаго сезона. Удивительно-ли послѣ этого, что парижанину, оставшемуся на берегахъ Сены, кажется скучно и пусто кругомъ?

* * *

Камло въ изобиліи сбываютъ провинціаламъ и иностранцамъ „денежные шкафы Эмберовъ“, „Франко-русскіе тїары“ Рахумовскаго, символическія почтовые карточки съ изображеніемъ глаза и ихъ хриплые крики: „Ah, la pauvre Thérèse!“, „Ah, la tiare!“, „T'en as un oeil!“ удивляютъ и забавляютъ прїѣзжихъ покупателей. Но эти cris du jour давно уже надоѣли парижанамъ, особенно возгласъ „ah, la tiare!“, который сталъ безсмысленнымъ междометіемъ, употребляемымъ въ разговорной рѣчи ни къ селу, ни къ городу. Одесскому рѣзчику Рахумовскому, автору поддѣльной тїары Сайтаферна, вернувшемуся на-дняхъ изъ Россіи, чтобы поселиться окончательно въ Парижѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, этотъ усилъ его произведенія у парижскихъ камло и у туристовъ долженъ быть очень дестень, но парижане были бы рады какой-нибудь другой злобѣ дня, которая породила бы иной новый cris du jour.

Возможно, впрочемъ, что та же тїара вызоветъ другой инцидентъ съ древностями, хранящимися въ Луврскомъ музеѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и новый cris du jour. Какъ извѣстно, поддѣльность тїары выяснилъ и удостовѣрилъ ученый знатокъ древняго Востока, членъ института Клермонъ-Ганно, къ крайнему огорченію его ученыхъ коллегъ Рейнака, Вьелфосса и др., которые семь лѣтъ тому назадъ засвидѣтельствовали подлинность головного убора Сайтаферна и побудили правительство прїобрѣсти произведеніе Рахумовскаго для Луврскаго музея. Эти ученые жаждали реванша, и имъ на помощь выступилъ австрійскій профессоръ Леви, который давно уже обвиняетъ того же Клермона-Ганно въ подобной же ошибкѣ и теперь охотно повторяетъ свое обвиненіе. Дѣло въ томъ, что Клермонъ-Ганно въ 1869 г., будучи драгоманомъ французскаго консульства въ Іерусалимѣ, прїобрѣлъ у арабовъ, въ окрестности Мертваго моря, найденный въ землѣ базальтовый столбъ съ надписью древними моавитскими письменами. Надпись, оказалась, гласила о подвигахъ и благаяхъ управленія моавитскаго царя Мезы, сына Камогада, жившаго въ IV вѣкѣ до нашей эры и воевавшего съ царемъ Іудей. Колонна была доставлена въ Парижъ и съ тѣхъ поръ она хранится въ Луврѣ, въ залѣ еврейскихъ древностей, какъ одно изъ историческихъ сокровищъ музея.

Подлинность моавитскаго памятника была подтверждена Ренаномъ, Ледреномъ и другими гебраистами; съ другой стороны, Клермонъ-Ганно указываетъ, что никому не было пользы совершить поддѣлку, такъ какъ колонна была имъ прїобрѣтена почти за бездѣнокъ и казна заплатила только за доставку ея въ Парижъ. Но проф. Леви находитъ, что моавитскій столбъ представляетъ массу историческихъ, неографическихъ и просто графическихъ погрѣшностей. Диспутъ, однако, пока серьезно не завязывается, и газеты противниковъ къ борьбѣ не подстрекаютъ: ужъ очень надѣла исторія тїары Сайтаферна, чтобы принять также въ серьезъ исторію колонны

Мезы. Но если проф. Леви сумѣетъ атаковать Клермона-Ганно, новый инцидентъ можетъ подъ конецъ расшевелить парижанъ. Уже теперь въ одномъ кафе-концертѣ, въ „обозрѣннѣ“ дается діалогъ тїары съ колонной (stèle), и когда „кума“ обозрѣннѣ восклицаетъ: „la tiare!“ ему „кума“ отвѣчаетъ: „la stèle!“ Камло во всякомъ случаѣ были бы рады, если бы такое нововведеніе привилось.

* * *

Говоря о камло, нельзя не упомянуть о смерти типичнѣйшаго представителя этой своеобразной парижской корпораціи, Наполеона Гайара. Онъ былъ издателемъ, фабрикантомъ и оптовымъ поставщикомъ того спеціального товара—летучихъ листовъ, бездѣлушекъ, игрушекъ, всякихъ мелкихъ articles de Paris,—которымъ торгуютъ камло. Одни изъ послѣднихъ находились у него на службѣ, другіе были только покупателями, но надъ всѣми онъ имѣлъ такое вліяніе и даже власть, что его не даромъ называли „Наполеономъ камло“ и даже „императоромъ камло“. Гайаръ правилъ корпораціей въ продолженіе двадцати лѣтъ, и такъ какъ камло часто приходится за деньги участвовать въ манифестаціяхъ, то можно сказать, что онъ игралъ не малую роль за кулисами полит. жизни. Гайаръ въ политикѣ былъ большимъ скептикомъ, и во время дрейфусіады онъ со своими отрядами камло съ такимъ же усердіемъ помогалъ сегодня націоналистамъ, съ какимъ завтра выступалъ въ манифестаціяхъ социалистовъ.

Его камло, продавая брошюры и плакаты, выпущенные противниками и защитниками узника Чортова острова, однимъ и тѣмъ же тономъ выкрикивали противорѣчивыя названія ихъ. „Дрейфусъ—измѣнникъ“ возглашали агенты Гайара, обходя террасы кафе отъ Мадленъ до воротъ св. Діонисія, а на обратномъ пути отъ этихъ воротъ къ Мадленѣ они уже вопили, къ негодованію и ужасу патриотовъ: „Дрейфусъ невиновенъ! жертва фальсификаторовъ главнаго штаба! купите за 10 сантимовъ—два су!“

Гайаръ, такимъ образомъ, поддерживалъ равновѣсіе между партіями. Онъ всегда готовъ былъ устраивать по сходной цѣнѣ сцены народнаго восторга или возмущенія. За 2 франка на человѣка можно было всегда находить у него сторонниковъ данной политической идеи. Когда Дрюмону хотѣлось показать, какъ ему сочувствуетъ народъ въ Парижѣ, онъ нанималъ у Гайара за нѣсколько сотъ франковъ отрядъ камло, который собирался подъ окнами его газеты и кричалъ виваты въ честь антисемитизма. Услугами Гайара пользовались немало во время буланжизма; онъ лично управлялъ знаменитой манифестаціей на лонсонскомъ вокзалѣ передъ отправленіемъ генерала Буланже на мѣсто назначенія. Убѣдившись въ вліяніи камло на инертную иногда уличную толпу, правительство тогда за хорошую плату заручилось расположеніемъ Гайара, который согласился на время манифестировать исключительно въ пользу республики. Гайару и его камло передъ тѣмъ былъ въ извѣстной степени обязан своимъ паденіемъ президентъ Гриви. Скандалъ съ его зятемъ Вильсономъ, можетъ быть, удался бы потушить, еслибы летучій листокъ Гайара съ пѣсенкой о семейномъ горѣ Гриви не имѣлъ такого успѣха и еслибы камло не переставали въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ съ утра до вечера неистово кричать на большихъ бульварахъ: „Ah, quel malheur d'avoir un gendre!“ Въ послѣдній разъ Гайаръ отличился во время избирательной кампаніи 1902 г., гдѣ онъ въ Парижѣ работалъ въ пользу націоналистовъ.

Въ прошломъ іюлѣ онъ отправился съ

отрядомъ своихъ камло въ Лондонъ по случаю визита Эмilia Лубэ английскому королю; тамъ онъ продавалъ пѣсенки и bibelots, созданныя по случаю англо-французскихъ торжествъ, и имѣлъ такой успѣхъ, что собрался основать на берегахъ Темзы постоянное отдѣленіе своей парижской лавочки. Смерть помѣшала ему осуществить столь своеобразное предпріятіе, и англичанамъ не дано будетъ знакомиться у себя дома съ новинками по части камлотской литературы и камлотскихъ articles de Paris. Гайаръ умеръ жертвою несчастнаго случая: его задавилъ на улицѣ автомобиль. Всѣ парижскіе камло, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, сопровождали его на кладбище. Это была очень трогательная траурная манифестація—первая, несомнѣнно, манифестація, которую корпорація камло устроила совершенно безвозмездно и безкорыстно.

* * *

Лѣтъ десять тому назадъ въ одной бульварной газетѣ устроена была enquête—опросъ людей съ именованъ и положеніемъ по вопросу о преимуществахъ скитанія труповъ предъ ихъ преданіемъ землѣ. Вопросъ былъ формулированъ мрачной дилеммой: „предпочитаете вы быть похороненнымъ или сожженнымъ?“ Но рѣдко кто отвѣтилъ съ подобающей серьезностью, взвѣсивъ аргументы за и противъ изъ области религіи, общественной этики и гігіены и сопоставивъ интересы живого человечества съ личными чувствами и предубѣжденіями умирающихъ индивидуумовъ и ихъ семейныхъ. Большинство же, особенно изъ писателей, дали отзывы совершенно легкомысленные и беззаботные. „Мнѣ будетъ крайне пріятно лечь въ землю, но возможно, что попасть въ печь доставитъ мнѣ еще большее удовольствіе“,—написалъ одинъ. „Пусть меня похоронятъ въ землѣ, пусть меня бросятъ въ воду, пусть, наконецъ, меня сожгутъ въ кремационной печи,“ отвѣтилъ другой,—это мнѣ совершенно безразлично, лишь бы это было возможно позже, пожалуйста, попозже!“ А третій замѣтилъ: „Сжечь въ печи—это слишкомъ; не достаточно-ли будетъ просто поджарить меня хорошенько и затѣмъ отдать кому-нибудь на съѣденіе?“

Съ тѣхъ поръ, какъ видно, вопросъ не продвинулся впередъ, и мало кто научился относиться къ нему серьезно. Даже самые вольнодумные писатели нисколько не „предпочитаютъ“ быть преданными пламени, чѣмъ землѣ. Кремационная печь при парижскомъ кладбищѣ Перъ-Лашезъ существуетъ съ 1889 г. На-дняхъ опубликована статистика ея „операций“ за этотъ четырнадцатилѣтній періодъ ея дѣятельности, и что же оказывается? Всего на-всего 2842 покойника или ихъ родственники предпочли превращеніе въ прахъ путемъ огня. Остальные покойники, которые въ числѣ сотни тысячъ легли въ могилы за это время на парижскихъ кладбищахъ ничего, какъ видно, не имѣли противъ того, чтобы того же результата—превращенія въ прахъ—добиться неподвижнымъ лежаніемъ въ землѣ. Правда, новый способъ—кремационный—несравненно быстрѣе, но покойникамъ не къ спѣху. И остающіеся въ живыхъ, зная, что имъ, въ свою очередь, придется лечь въ могилы, ихъ не торопятъ: въ сравненіи съ вѣчностью не все-ли равно, черезъ день или черезъ сотни лѣтъ не останется слѣда отъ бренныхъ останковъ человѣка?

Впрочемъ, противъ столь философски простого отношенія къ вопросу протестуетъ „общество распространенія кремационныхъ труповъ“, которое устроило печь на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. Это несвоеобразное общество жаждетъ на слабую дѣятельность рѣдкихъ кре-

маціонныхъ печей, находящихся во Франціи, и убѣждаетъ всѣхъ „людей прогресса“ придти къ нему на помощь и подѣйствовать на большую публику своимъ личнымъ примѣромъ. Впрочемъ, отъ людей прогресса не требуется преждевременно залѣзать въ кремационную печь; будетъ достаточно, если они пока вступятъ въ члены общества и примутъ обязательство занести въ свои духовныя завѣщанія желаніе быть послѣ смерти сожженными.

Однако, званіе члена общества еще не гарантируетъ посмертную кремацию. Изъ членовъ, умершихъ за время существованія общества, добрая половина миновала печи кладбища Перъ-Лашезъ,—покойники безропотно дали себя похоронить въ землѣ. Въ этихъ случаяхъ верхъ, очевидно, взяло желаніе наследниковъ надъ желаніемъ завѣщателей, личныя обязательства которыхъ не имѣютъ силы для ихъ родственниковъ. Людямъ прогресса, къ которымъ взываетъ общество кремации, слѣдовало бы поэтому предварительно поборотъ убѣжденія и предубѣжденія своихъ близкихъ, а такъ какъ это задача чаще всего непосильная, то они воплію разумно предпочитаютъ интересоваться прогрессомъ въ другомъ направленіи. Есть, дѣйствительно, для человечества вопросы болѣе насущные, и реформу кладбища можно безъ особыхъ неудобствъ предоставить дальнѣйшему будущему.

Парижъ,
въ сентябрѣ 1903 г. *Е. Дмитриевъ.*

Тридцать лѣтъ на казенныхъ сценахъ.

Изъ воспоминаній артиста Императорскихъ театровъ К. Н. де-Лазари, по сценѣ Константинова.

Въ литературной озаботкѣ А. Зарина.

XVI.

Въ Маринскомъ театрѣ бенефисъ В. В. Самойлова!

Дирекція театровъ не жалѣетъ никакихъ средствъ, чтобы постановка была достойна артиста. Товарищи старательно приготавливаются блестяще, чтобы немогъ уже затмить ихъ совсѣмъ самъ бенефициантъ, В. В. Самойловъ.

Публика приготавливаетъ деньги, чтобы по дорогой цѣнѣ достать себѣ мѣста въ театрѣ.

Водевиль „Отелло на Пескахъ“ репетируется мною со всѣмъ стараніемъ.

Авторъ этого водевиля, П. А. Каратыгинъ, въ восторгѣ, что возобновляется на сценѣ давно не шедшій его водевиль.

Я въ разговорныхъ сценахъ, подражая знаменитому африканскому трагику „Айро Ольриджу“ въ взвизгиваніяхъ, въ крикахъ, въ топаніяхъ ногами и въ подражаніи звукамъ англійскаго языка, а въ пѣніи—знаменитому тогда итальянскому пѣвцу „Тамберлику“, на репетиціяхъ произвожу фуроръ.

Въ послѣдней репетиціи народу въ театрѣ было много: драматическіе артисты, пѣвцы, много балетныхъ писателей.

Отъ моей игры и пѣнія смѣхъ не прекращался. Общій восторгъ.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ въ духѣ, шутить, острить и сыплеть остроумными каламбурами.

Въ трехъ газетахъ появились оповѣщенія, что дебютантъ г. Константиновъ, съ успѣхомъ появившійся въ водевилѣ „Ямщики“, появится въ бенефисѣ Самойлова въ водевилѣ „Отелло на Пескахъ“ и доставить, если судить по репетиціямъ, большое удовольствіе публикѣ, ма-

стерски копируя Айро Ольриджа и Тамберлика.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ послѣ послѣдней репетиціи, обнимая и цѣлуя меня, зоветъ меня къ себѣ домой и дѣлаетъ то, чего, говорятъ, никогда не дѣлалъ: по дорогѣ покупаетъ на 10 к. корюшекъ и въ 5 к. французскую булку. Несетъ все это домой и угощаетъ меня на славу, какъ разъ въ день бенефиса.

Испортить аппетитъ, иду я къ В. В. Самойлову обѣдать. Сіжу за обѣдомъ и ничего не могу ѣсть. Самойловъ, разозлясь, говоритъ:

— Да что вы, сума сопли? Что вы, нездоровы? Почему вы ничего не ѣдите?

— Аппетитъ испортилъ, В. В.,—говорю я.—П. А. Каратыгинъ въ такомъ восторгѣ, какъ шла репетиція „Отелло“, что повелъ меня къ себѣ, по дорогѣ купилъ корюшекъ и булку и угостилъ меня властью.

Какъ только я это сказалъ, В. В. вскопчилъ и драматично говорить:

— Ну, поздравляю васъ! Съ вами чтонибудь случится потрясающее, ужасное! Помогите! 30 лѣтъ я съ нимъ служу и, Богомъ клянусь, что первый разъ слышу, чтобы онъ кого-нибудь угостилъ! Я васъ серьезно предупреждаю: будьте осторожны!

И его пророчество сбылось.

Въ 6½ часовъ я вмѣстѣ съ В. В. отправился въ театрѣ.

Театръ полонъ! Главная въ бенефисѣ пьеса—„Благодѣтель“, Пальма, прошла съ триумфомъ! Оваціи громадныя! Вызовы: автора! Самойлова!—не прекращались по крайней мѣрѣ минутъ 10.

Наконецъ, устанавливаются декорации и сцена приготавливается для водевиля „Отелло на Пескахъ“.

Я, вымазанный черной краской, съ красными губами, въ гордой позѣ, подражая Айро Ольриджу, стою въ лодкѣ и отъ страха качаюсь. Около меня стоитъ П. А. Каратыгинъ и ободряетъ.

Подходить В. В. Самойловъ и, видя, что я отъ страха тряусь, какъ въ лихорадкѣ, съ участіемъ и злостью, говорить:

— Сядьте! Зачѣмъ вы встали? Развѣ можно стоя выѣзжать, когда вы такъ боитесь?

Я сѣлъ.

— Встаньте!—говоритъ П. А. Каратыгинъ.— Это гораздо лучше и эффектибѣ!

Я всталъ.

— Сядьте!—говоритъ В. В. Самойловъ.

— Встаньте!—говоритъ Каратыгинъ.

— Сядьте!—говоритъ Самойловъ.

— Встаньте!—говоритъ Каратыгинъ.

— Помогите, В. В., я авторъ,—говоритъ Каратыгинъ.— Я лучше знаю, что лучше!

— Такъ дѣлайте-же, что хотите!—разозлясь говоритъ Самойловъ.—Вставайте, ложитесь, мнѣ все равно!—И ушелъ.

Я забылъ о корюшкахъ, о булкѣ, не послушался Самойлова и всталъ.

Занавѣсъ поднялся.

Музыка заиграла торжественный маршъ изъ оперы „Отелло“, музыка Россини.

Я стоялъ въ гордой позѣ, драпируясь въ плащъ; лодка подѣвжаетъ. Публика апплодируетъ. Вдругъ лодку неровно дернули и я—бултыхъ въ воду головой! Публика, вмѣсто головы, видитъ ноги и, думая, что это фарсъ, захохотала.

Я растерялся, вскопчилъ на ноги и кожу по морю, яко по суху. Хохотъ увеличивается, увеличивается и моя растерянность.

Я началъ пѣть, говорить, копировать, но и сотой доли не было того успѣха, что было на репетиціи. Смѣялись, апплодировали, но все это было слабо. Черезъ день пьеса повторилась, публика приняла меня даже хорошо, но все уже это было не то, чего ожидали всѣ и я самъ.

Съ машиниста взяли штрафъ, но мнѣ, право, отъ этого было не легче.

XVII.

На Фоминой недѣлѣ, въ театрѣ при дворцѣ графини Куселевой-Безбородко, на Гагаринской улицѣ, благодаря внимательности графини и А. И. Дубельтъ, состоялся мой концертъ съ участіемъ: пианиста Контскаго, пѣвицы Д. М. Леоновой и въ первый разъ, какъ куплетиста, И. И. Монахова.

Только что получивъ изъ типографіи книжку билетовъ, я сейчасъ же отправился съ ней къ А. И. Дубельтъ.

Видя меня безпокойнымъ, агитированнымъ, А. И. спросила:

— Вы какъ будто о чемъ то беспокоитесь?

— Какъ же мнѣ не беспокоиться? Будете ли сборъ и, наконецъ, прійдутъ ли всѣ участвующіе въ концертѣ?

— Напрасно вы волнуетесь; дайте мнѣ вашу книжку, но сперва возьмите билеты для вашихъ.

Я оторвалъ билеты и отдалъ книжку А. И.

— Теперь ни о чемъ не беспокойтесь, если артисты не прійдутъ, то выйдите и пойте „Выхожу одинъ я на дорогу“, а билеты я сегодня всѣ продамъ на балу во дворцѣ.

Все свершилось, какъ сказала эта очаровательная женщина.

Артисты пріѣхали всѣ, произвели эффектъ и были сами довольны, что показали себя самому высокому и избранному обществу.

Всѣ билеты были разобраны на балу въ Зимнемъ дворцѣ и театрѣ былъ полонъ. Отъ концерта очистилось мнѣ 700 р. Расходовъ—никакихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Германскій императоръ-гимназистъ.

Какъ всегда, императоръ Вильгельмъ II послѣ окончанія своего сѣвернаго путешествія, отправился и въ этомъ году въ Кассель,—городъ, въ которомъ онъ два года вмѣстѣ съ сыновьями бюргеровъ посѣщаль гимназію. Приводимъ нѣкоторые воспоминанія изъ того времени. Перваго сентября 1874 года принцъ Вильгельмъ подтверждался. По провѣркѣ знаній принца Вильгельма въ кассельской гимназіи, онъ поступилъ въ „Obersekunda“ (2-й классъ). Обыкновенно, принцъ являлся за четверть часа до начала занятій на гимназическую площадку для игры. „Классъ принцевъ“, въ которомъ обучался принцъ Вильгельмъ съ принцемъ Генрихомъ и остальными учениками, и затѣмъ первый классъ „прима“, въ память объ этомъ, еще до сихъ поръ богато украшенъ картинами, скульптурами, бюстами Софокла и Цицерона. Особенно отличался принцъ Вильгельмъ на урокахъ исторіи. Съ особеннымъ блескомъ и тонкимъ пониманіемъ дѣла излагалъ онъ походъ Александра Македонскаго. Тогдашній инспекторъ кассельской гимназіи, тайный совѣтникъ Людвигъ Визе, сообщаетъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“, что принцъ Вильгельмъ питалъ особенную любовь къ Горацию. Онъ добровольно выучилъ наизусть множество одъ. Принцъ приносилъ въ классы монеты и снимки старинныхъ предметовъ. На завтракъ принцъ приносилъ въ жестяной коробкѣ бѣлый хлѣбецъ съ дичью, но онъ всегда мѣнялся со своимъ товарищемъ С. на черный хлѣбъ. Лѣтомъ оба принца жили въ Вильгельмсгее, гдѣ усердно занимались спортомъ. Оба принца всегда принимали участіе въ ботаническихъ экскурсіяхъ гимназіи. Однажды принцъ Вильгельмъ взобрался рано утромъ на валь, отдѣлявшій его дворъ отъ гимназической площади; въ тотъ же мигъ его осыпалъ дождь снѣжковъ. Свѣ-

Князь **Т. С. Толстой**,
главноначальствующій на Кавказъ.
(Къ 30-лѣтію служенія въ генеральскихъ чинахъ,
30-го августа).

жій выпавшій за ночь снѣгъ навелъ учениковъ на эту шалость. Принцъ, застигнутый врасплохъ, мигомъ занялъ оборонительное положеніе и такъ энергично принялся отстрѣливаться, что разогналъ толпу своихъ противниковъ. Въ зимніе вечера принцъ больше всего любилъ заниматься любительскими спектаклями.

Къ Пасхѣ 1875 года Вильгельмъ былъ переведенъ въ „Prima“, а 25-го января 1877 года (ему исполнилось 18 л.) онъ

сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Свидѣтельство, полученное принцемъ въ качествѣ десятого изъ семнадцати экзаменуемыхъ, гласило „удовлетворительно“. За прилежаніе принцъ получилъ ме-

Ген.-ад. **М. И. Драгомировъ**,
киевскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками кievскаго военнаго округа.
(Къ 35-лѣтію служенія въ генеральскихъ чинахъ,
30-го августа).

Ген.-лейт. **Н. И. Бобриковъ**,
финляндскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками финляндскаго военнаго округа.
(Къ 25-лѣтію служенія въ генеральскихъ чинахъ,
30-го августа).

далъ. Послѣ окончанія гимназіи кронпринцъ основалъ стипендію „Prinz Wilhelm Stipendium“ въ 1000 марокъ, которая ежегодно выдается достойнѣйшему и бѣднѣйшему ученику кассельской гимназіи для окончанія университетскаго образованія. До сихъ поръ императоръ Вильгельмъ принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ, что касается товарищей его по кассельской гимназіи.

Доселяне изъ окрестностей Монастыря, покидающіе свои деревни и уходящіе въ горы для присоединенія къ повстанцамъ.

Передъ сраженіемъ.

Къ событіямъ въ Македоніи.